

моей с Таврическим губернским правлением учинить справки.

Всемилоостивейший Государь! Прошу **Вашего Императорского Величества** о сем моем прошении решение учинить.

Прошение сочинял и переписывал означенного господина Дмитрия Васильевича Нарышкина служитель Иван Никифоров сын Белов.

К сему прошению *Действительный Статский Советник и Кавалер*

Дмитрий Васильев сын Нарышкин руку приложил и сим верю подать, грамоту получить и следующие деньги внести служителю моему Филимону Иванову сыну Ромашеву.

1828-го года Генваря 23-го дня прошение подал поверенный служитель Филимон Иванов сын Ромашев.

При сем прилагаю шесть листиков рублевых бумаги».

К сожалению дело закончилось следующим решениемⁱⁱ:

«1828 года *февраля* 13 дня в присутствии Московского дворянского собрания послушании *прошения Действительного Статского Советника Дмитрия Васильевича Нарышкина* ОПРЕДЕЛЕНО: *объявить просителю, чтобы он представил какие-либо законные акты о происхождении своем от рода тех Нарышкиных, которые означены в родословной, из Гербовника полученной, о чем ему и объявить с подпискою*».

В Формулярном списке лейб-гвардии Семеновского полка за 1815 г.ⁱⁱⁱ значится: «Дмитрий Васильев сын Нарышкин. Адъютантом при генерале-от-кавалерии Раевском. 22 года. Из дворян Московской губернии. Крестьян за ним состоит 1300 душ. Лейб-гвардии в Семеновском полку: подпрапорщик 26 апреля 1810, прапорщик 9 марта

1812, адъютант к генералу-от-кавалерии Раевскому 24 декабря 1812, подпоручик 23 сентября 1813, за отличие произведен в поручики 11 января 1814, за отличие произведен в штабс-капитаны 3 января 1815. По ненахождению при полку, в каких делах в Кампании 1812, 1813 и 1814 годов был не известно. По российски, по-немецки и по-английски, истории, географии, арифметике, геометрии, алгебре знает. [Там же на л. 66 добавлено: “по-французски, фехтовать, рисовать, физике и фортификации”] В штрафах по суду или без суда не был. Холост. К повышению чина достоин».

В книге Аглаимова С.П.^{iv} приведены более подробные сведения о Дмитрие Васильевиче:

«20-го апреля. На местах. Высочайший приказ 9 марта. Приказ по полку 20 апреля. Производятся в прапорщики: л-гв. Семеновского полка <...> из подпрапорщиков Нарышкин 2-й. <...> Вновь произведенные прапорщики написываются в роты: <...> Нарышкин в 3-ю гренадерскую, коих привести к присяге сего месяца 22 числа капитану Гурке, для чего и собраться оным того числа на квартиру к капитану Гурке, куда быть и священнику.

ПОСЛУЖНЫЕ СПИСКИ

офицеров лейб-гвардии Семеновского полка за 1812 год

Нарышкин 2-й, Дмитрий Васильевич.

Из дворян Московской губернии. Крестьян имеет за собой 1300 душ.

1810 г. апреля 26, подпрапорщиком л.-гв. в Семеновский п.; 812 г. марта 9, прапорщиком; 812 г. приказано состоять при ген.-майоре

Воронцове; 812 г. декабря 28, назначен адъютантом к ген.-лейтенанту Раевскому;

1812 года, марта 9-го дня, выступил лейб-гвардии с Семеновским полком из С.-Петербурга в поход; участвовал во время ретирады от г. Вильны. 4 мая по Высочайшему повелению отпущен в отпуск в г. Корец. При Бородине 24 и 26 августа, будучи адъютантом ген.-майора графа Воронцова, был посылаем с приказаниями в самые опасные места, отдавал оные с отличною расторопностью, за что и награжден орденом св. Анны 3-го класса».

Следующие два года жизни Д.В. можно представить пользуясь биографией его непосредственного начальника, Н.Н. Раевского^v: «Его корпус отлично действовал под Тарутином, в боях за Малоярославец и при Красном. В заграничном походе 1813 – 1814 гг. Раевский командовал гренадерским корпусом. В Битве народов под Лейпцигом. <...> Корпус его первым подошел к Парижу и захватил господствующие высоты, что вынудило гарнизон вступить в переговоры».

С 1815 по 1818 г. Нарышкин служил под начальством М.С. Воронцова, возглавлявшего русский оккупационный корпус во Франции, с главной квартирой в Мобёже.

Ф.Ф. Вигель пишет^{vi}: «Мне был несколько знаком Дмитрий Васильевич Нарышкин; мы с ним виделись в Мобёже и в Одессе. Будучи сыном Анны Ивановны, урожденной гр. Воронцовой, он приходился внучатым братом нашему генерал-губернатору <М.С. Воронцову>, который его отменно любил. Воспитание получил он французское, аристократическое, служил в гвардии, потом в достославную нашу войну три года сряду находился при родственнике

своим, который ни себя, ни окружающих своих в сражениях не щадил, за то и старался их быстро повышать».

В 1817 году Дмитрий Васильевич сватался одновременно с Иваном Дмитриевичем Якушкиным за княжну Наталию Дмитриевну Щербатову. Оба получили отказ. Первый его получил Якушкин^{vii}.

В письме Н.Д. Щербатовой к брату Ивану Дмитриевичу Щербатову от 3 мая раскрывается драма И.Д. Якушкина и самой Наталии Дмитриевны^{viii}:

«Ты должен все знать. Нужно, чтобы ты через мое перо узнал то, что ты, быть может, давно знал в глубине своего сердца... Якушкин меня любит... Его отчаяние, его болезнь были причинены крушением всех его надежд... Подумай об ответе, который ты должен мне дать. Покой, я скажу больше – жизнь твоего друга от этого зависит. Не бойся предложить мне средство наиболее верное для обеспечения счастья Якушкина, – отказаться от союза с Нарышкиным. Борозда в моем сердце проведена не настолько глубоко, чтобы я не могла ее изгладить, не нарушим спокойствия своей жизни... Я благодарна бы небу, если бы могла вернуть мир *этой небесной душе* пожертвованием моих надежд.

Мой друг, подумай же о твоём ответе, остерегись приговорить твоего несчастного друга, это существо, исключительное по благородству и стойкости своих чувств... Не обращай внимания на счастье твоей сестры, или скорее, сочетай его со счастьем того, кто заслуживает твою привязанность во всех отношениях. Меня ты должен осыпать упреками, я их заслуживаю... Я ввергла в бездну несчастья друга, любезного твоему сердцу, товарища моего счастливого детства... Раскаяние меня мучит... Сколько вероломства в моем поведении! Я

понесу кару за то во всю мою жизнь».

Щербатова глубоко уважает Якушкина, высоко ценит его, – комментирует С.Я. Штрайх^{ix}, – но ей не хочется выходить за него. Д.В. Нарышкин больше года «упорно» сватался к Наталии Дмитриевне, но, – пишет она брату: «Душа Нарышкина такая, как ты мне ее рисовал: порочная, низкая, не имеющая другой цели, кроме личной выгоды, за счет своей совести и уважения тех, кто его знает, – может ли она сочетаться с душою твоей Натали? Хотя женившись на мне, он сделает свои выгоды моими, но смогу ли я снести самые легкие следы того, что называется интригою, нечестностью, если бы даже его выгоды и мои служили им мотивом?.. Одобряя чувства Нарышкина, ты вонзишь *кинжал в сердце твоего друга*... Он от того умрет, рано или поздно, и что станет тогда с Натали, с тобою самим?.. Не думай, что, отказавшись от любви Нарышкина, я хочу сейчас же сделаться женою другого... Нет, я чувствую себя в силах жить монахинею в вихре света, противиться его удовольствиям и охранять мою душу от всего, что могло бы поколебать ее стойкость. Друг мой, дай мне следовать этою дорогою счастья, которую небо, кажется, простерло под моими ногами. Мир моей совести, спокойствие Якушкина, твоя дружба поддержат меня до конца моего существования... И тогда, быть может, мне останется недолгий путь для соединения с моей матерью» (матери Н.Д. Щербатовой не было в живых).

Заявляя, что не может «испытывать чувство очень глубокое» к Нарышкину, – продолжает свой комментарий С.Я. Штрайх^x, – Щербатова переходит в конце письма к Якушкину и просит брата: «Ради любви ко мне, подумай о спокойствии этого ангела доброты...» В следующем письме, без даты, но того же мая, Наталия Дмитриевна еще

яснее высказала, что в пользу Нарышкина говорили соображения расчета, что отец ее был очень рад, узнав об его намерении, и что она сама сначала увлечена была мечтами о «блестящем будущем». Повторяя, что она мало его видела и не уважает, она проводила такую параллель: «Воспоминание о Нарышкине дает кое-что моему воображению, а об Якушкине – возбуждает мое восхищение. Я люблю его, как друга, и буду его так любить до конца моих дней...»

Приведем письмо И.Д. Якушкина от 12 июня 1817 г.^{xi}

«Его высокоблагородию милостивому государю
Дмитрию Васильевичу Нарышкину,
лейб-гвардии Семеновского полка
г-ну капитану в корпусе графа Воронцова.

В Мобёж во Франции.

Господина Нарышкина просят потрудиться размыслить о том, что он будет делать по возвращении в Россию. Многие лица, возмущенные его прошлым поведением за время последнего его пребывания в Москве и после, твердо решили потребовать от него в том объяснений.

Господин Нарышкин должен быть уверен в честности лица, которое ему пишет, и если оно не подписывает своего имени, то это не помешает ему явиться первым к нему по возвращении его из Франции».

15 июня Н.Д. Щербатова писала брату^{xii}: «Последствия этого письма заставляют меня дрожать. Это – форменный вызов, который обязывает Нарышкина (если он делает мне честь спешить вернуться в Россию) узнать честную личность, которая является его автором... Это бескорыстное доброжелательство, которое мне оказывают полковник

[Фонвизин] и Якушкин, мне более чем тягостно. Я боюсь, как бы оно не вовлекло их в бесконечные тревоги, в ущерб для их мирной жизни».

В письме от 23 июня Якушкин сообщает Щербатову^{xiii}:

«Полк Нарышкина находится во Франции, но так как он им не командует, то он легко может получить отпуск. Твоя сестра по временам мучится раскаянием в том, что не оказала достаточного сопротивления всем «авансам», которые он ей делал. Как только ты будешь здесь, я уверен, что она будет успокоена».

15 июля 1817 г. Иван Дмитриевич – Щербатову^{xiv}: «В моем поведении могли быть провинности, которые происходили не от недостатка доброй воли сделать хорошо, а единственно от того, что я сам обманывался. В этой свадьбе Н[арышкина] мне казался форменный заговор; я старался предостеречь от него твою сестру, не обращая внимания на то, прилично или неприлично было такое мое поведение».

6 августа 1818 г. Он же – ему же^{xv}: «Сегодня я могу тебе сказать, что свадьба отложена, наверняка, до ноября месяца и, может быть, до января».

В одном из писем Наталия Дмитриевна признавалась брату^{xvi}: «Я открываю перед тобою до дна мое сердце... мое сердце ничуть не занято Нарышкиным».

Снова письмо И.Д. Якушкина от 16 сентября 1818 г.:^{xvii} «Известный господин уехал в свое имение в Белоруссии и вернется только через два месяца, как он мне сказал».

Н.Д. Щербатова пишет 8 декабря 1818 г. брату:^{xviii} «Нарышкин приезжает немедленно, Эта новость (которая была сообщена мне Якушкиным) меня сразила... Она повлияла на мое здоровье». Далее

Щербатова пишет о том, что ее отказ Нарышкину разорит отца, который думал поправить свои материальные дела браком дочери с богатым женихом. Но если она выйдет за Нарышкина, может погибнуть Якушкин. «Все, что я могу распутать в моем положении, настоящем и будущем, это то, что для успокоения умов, т.е. для того, чтобы сохранить жизнь одному [Якушкину] и щадить другого [Д.М. Щербатова], я стараюсь удалить всякую возможность перемены, какого бы рода она ни была», т.е. не выходить за Нарышкина и не отказывать ему окончательно.

Наконец, получилось известие, что Нарышкин женился, и Наталья Дмитриевна писала брату 23 июля 1919 г..^{xix} «Небо сжалилось надо мною, оно послало мне освобождение в момент, когда я менее всего того ожидала. Конец волнениям, объяснениям...»

Дмитрий Васильевич женился на графине Наталье Федоровне Ростопчиной (1798 † 1863), дочери генерал-адъютанта, генерала-от-инфантерии, действительного тайного советника, обер-камергера, члена Государственного Совета, графа Федора Васильевича Ростопчина (1765 † 1826) от брака с Екатериной Петровной Протасовой († 1859).

С.Я. Штрайх отмечает^{xx}, что «В письмах к брату за август 1819 г. Н.Д. Щербатова упоминала Ф.П. Шаховского: Он доказал деликатность своих чувств, обратившись прямо к отцу, чтобы получить руку Натальи Дмитриевны. Старый князь Щербатов сначала не соглашался. Он был недоволен отказом Нарышкину. Вскоре примирился с решением дочери. <...> 12 ноября 1819 г. Н.Д. Щербатова вышла замуж».

Ф.Ф. Вигель продолжает свои воспоминания о Д.В. Нарышкине^{xxi} : «При корпусной квартире в 1818 году видел я его уже молоденьким

полковником; после чего получил он дозволение остаться во Франции, женился на дочери графа Ростопчина и вышел в отставку».

И.П. Липранди в сообщении о поездке графа М.С. Воронцова для обозрения театра революционных военных действий в 1818 году пишет^{xxii}: «Граф, в сопровождении одного только адъютанта, Дмитрия Васильевича Нарышкина, и своего дорожного камердинера, Баптиста, верхами, в партикулярных платьях, приехали в Ретель. Граф остановился у Паке, Нарышкин – у меня, и это показалось подозрительным, почему не в приготовленной комнате для Вигеля? В этот же день, в обед, решено было, что на другой день, в семь часов утра, граф выезжает чрез Атиньи, где будет обедать, а в Вузьере ночевать. <...> Исколесить таким образом, без прислуги, несколько сот верст верхом, и кто знал неутомимость графа Михайла Семеновича, и при этом его беспримерно умственную деятельность, не для всех было бестягостно и потому-то он в таких случаях избирал себе в спутники, независимо от других условий, тех, которые могли приближаться к его силе, для вынесения всех трудов в предначертывавшихся им предприятиях».

Ф.Ф. Вигель продолжает:^{xxiii} «В 1823 году, по представлению Воронцова, с чином статского советника, получил он место Таврического губернатора. Вот вкратце формуляр его, и что к тому прибавить? Он был чрезвычайно добрый малый: похвала умеренная для правителя области. Но он был еще довольно молод, лет тридцати пяти, добродушен, прост в обращении, и имел в себе более военного, чем дворцового; с делами по возможности старался ознакомиться. Он принял меня, я думаю, как и всякого, со врожденною благосклонностью, и пригласил на другой день к себе обедать. Все

напоминало у него лучший, образованнейший свет: и умная, любезная, просвещенная хозяйка, Наталья Федоровна, и дом, который походил на небольшой царский загородный дворец, и отличное убранство комнат, все прочее тому соответствовало».

В другом месте он сообщает:^{xxiv} «Я решительно просил его <М.С. Воронцова> избавить меня от сослужения с Тимковским <...>; наконец, что не только с Катакази, со всяким другим вновь определенным губернатором на некоторое время готов бы я был остаться. Подумав немного, сказал он мне: «Кажется, есть средство исполнить ваше желание. Как ни упрявился министр финансов Канкрин, но я поставил на своем, и он согласился Таврического вице-губернатора Куруту перевести в другую губернию; коль скоро сие последует, то вы можете на сие место поступить». Я поклонился и поблагодарил. Помолчав с минуту, опять сказал он: «Только я вас предупреждаю, там губернатор родственник мой Нарышкин, человек еще молодой и деятельный, и его не скоро можно выжить». <...>

Итак дело решено: я должен поселиться в Крыму и занять там место привольное, довольно спокойное».

Снова Вигель:^{xxv} «17-го <марта 1826 г> сделалось опять тепло. Пользуясь погодой, отправился я с посещением к губернатору, который за неимением казенного дома жил в собственном им самим построенном, в четырех или пяти верстах от города <Симферополь> в прекрасной долине. Деревья еще не распускались, но кустарники там все уже покрыты были листьями»^{xxvi}.

В своих «Записках» Вигель упоминает о неоднократных посещениях Симферополя.^{xxvii}

«Когда 12 числа <октября 1826 года> рано поутру приехал я в

Симферополь, то не застал в нем Нарышкина, который только что уехал в Петербург на встречу к графу Воронцову, и я обедал у любезной его супруги. Управлял губернией Лонгинов. <...>

Принужден будучи остановиться, я сделал несколько посещений и между прочим госпоже Нарышкиной, которая пригласила меня обедать 5-го числа <февраля 1828 г.>, в последний день масленицы. <...>

В понедельник 6-го числа воротился из Петербурга губернатор Нарышкин, о чем я узнал вечером. На другой день, пока я собирался к нему, приехал он сам ко мне, но можно сказать, только что повернулся. Он поспешил меня видеть, сказал он, дабы доказать, что он не разделяет слишком строгих правил вице-губернатора: видно, они с ним начинали не ладить. На расспросы мои о Петербурге не хотел отвечать, уверяя, что не имеет времени, но готов удовлетворить любопытство мое, когда соглашусь на другой день приехать к ним обедать.<...>

Я выехал 7-го, а 9-го <мая>, в Николин день, приехал в Симферополь. В Симферополе я почти ни с кем не виделся; летом обыкновенно этот город пустеет: зажиточные жители и некоторая часть из служащих переселяются в прекрасные, садами наполненные долины Альмы, Качи и Бельбека. Тогда начинали уже жить и на Южном берегу, и между прочими там находился губернатор Нарышкин с семейством».

Дмитрий Васильевич скончался 20 декабря 1831 г. Похоронен в Симферополе на Старом кладбище^{xxviii}. После него остались два сына: Федор (1821 † 1870), женатый княжне Татьяне Николаевне Долгоруковой, и Анатолий († 14.10.1883), женатый на княжне Елизавете Алексеевне Куракиной, в дальнейшем статс-дама и

обер-гофмейстера при Дворе Николая II, пережившая много революций, начиная с Французской 1848 года и кончая Российской Октябрьской 1917 г, эмигрировавшая во Францию, там и похороненная; их сын Кирилл Анатольевич, будучи генерал-адъютантом Николая II, вел протокол его отречения от престола. Третий сын, Михаил, умер в возрасте 18 месяцев...

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 14. Д. 1297. Л. 44, 47об.

ⁱⁱ Там же. Л. 45.

ⁱⁱⁱ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Архив 3. Л. 388 об- 389. Приведенные архивные сведения совершенно противоречат опубликованным в книге: *Дирин П.Н.* История лейб-гвардии Семеновского полка. Т. 2. СПб., 1883. С. 125: «Переведен из Гвардейской артиллерийской бригады прапорщиком в лейб-гвардии Семеновский полк (1814), подпоручик (1816), поручик (1819)*, штабс-капитан (1820)*, переведен в Белевский пехотный полк майором (1820)». Следует отметить, что сведения, отмеченные звездочками, не соответствуют также ниже представленному материалу (письма И.Д. Якушкина и воспоминания Ф.Ф. Вигеля).

^{iv} *Аглаимов С.П.* Отечественная война 1812 года. Исторические материалы лейб-гвардии Семеновского полка. Полтава, <1912>. С. 144, 146, 147, 160, 161, 165, 317, 318, 405, 506.

^v *Смирнов А.А.* Раевский Николай Николаевич / Российский архив. М., 1996. С. 526, 527.

^{vi} *Вигель Ф.Ф.* Записки Филипа Филиповича Вигеля. Ч. 7. М.: Русский архив, 1893. С. 148.

^{vii} Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина/Редакция и комментарии С.Я. Штрайха. М., 1951. С. 208 – 209.

^{viii} Там же. С. 631.

^{ix} Там же. С. 631, 632..

^x Там же. С. 632.

^{xi} Там же. С. 212, 634.

^{xii} Там же. С. 634.

^{xiii} Там же. С. 214.

^{xiv} Там же. С. 215.

^{xv} Там же. С. 225.

^{xvi} Там же. С. 635.

^{xvii} Там же. С. 227.

^{xviii} Там же. С. 637.

-
- ^{xix} Там же. С. 638.
- ^{xx} Там же. С. 639.
- ^{xxi} *Вигель Ф.Ф.* Указ.соч. С. 148.
- ^{xxii} *Липранди И.П.* Замечания на «Воспоминания» Ф.Ф. Вигеля. М., 1873. С. 108, 109.
- ^{xxiii} *Вигель Ф.Ф.* Указ.соч. С. 148
- ^{xxiv} Там же. С. 70.
- ^{xxv} Там же. С. 148.
- ^{xxvi} Родственник графа Воронцова Д.В. Нарышкин, назначенный таврическим губернатором, приобрел на левом берегу Салгира (нынешняя территория парка Салгирка) имение и решил устроить в нем губернаторский дворец. Строительные работы начались в 1823 году, а уже три года спустя Нарышкины поселились в новой усадьбе. Однако же не им суждено было увековечиться в названии дворца: вскоре здание вместе с парком приобрел М.С. Воронцов, бывший тогда новороссийским генерал-губернатором, и потом на протяжении еще пятидесяти лет члены его семьи владели усадьбой, закрепив за ней вплоть до революции название «Воронцовка». Сейчас Воронцовский дворец взят под охрану государства – это один из наиболее выдающихся крымских памятников архитектуры позднего русского классицизма. *Ахунова Л.* Не терпит суеты... // «Крымская правда». Симферополь. 1981. 18 июля.
- ^{xxvii} *Вигель Ф.Ф.* Указ.соч. С. 176, 206, 207, 212, 213.
- ^{xxviii} Река времен. Книга четвертая. Русский провинциальный некрополь. М., 1996. С. 273.